

Выйдя из ресторана европейской кухни, Чу Куан остроглазо прищурился:

— Смотри-ка, это же Чэн Е.

Чэн Вэй проследил за его взглядом и действительно увидел брата. Тот сидел у окна в заведении напротив и уплетал хот-пот. Столик просматривался лишь наполовину, а лица спутников Чэн Е заслоняла декоративная перегородка.

— Сколько мы не виделись с этим парнем? Пойдём, поздороваемся, — предложил Чу Куан.

Обычно там, где крутился Чэн Е, находился и Ли Цинъюй.

Пальцы Чэн Вэя на мгновение сжались, но он тут же взял себя в руки и расслабил ладонь.

Чэн Е никак не ожидал встретить брата в обычной закусочной:

— Брат? Брат Чу? Вы как здесь оказались?

— Так новый ТРЦ открылся, — добродушно ухмыльнулся Чу Куан. — Вот, приехал с твоим братом, инспектируем.

— Офигеть! — поражённо выдохнул Сюй Вэйжань. — Это что, тоже ваше?

Переступив порог заведения, Чэн Вэй незаметно оглядел столик.

Ли Цинъюя нигде не было.

Взгляд Чэн Вэя едва заметно потемнел, но голосом он ничем не выдал досады:

— Сегодня я угощаю. Ешьте, сколько влезет.

Сюй Вэйжань с Гу Линем едва не закричали от восторга.

Чэн Вэй и сам в своё время окончил Университет А, оставив по себе славу абсолютного гения — единственный, у кого в дипломе стояли только отличные оценки. Помимо безупречной учёбы, он блистал в научных проектах, постоянно забиравших первые места, а будучи капитаном баскетбольной сборной вуза, вывел её в десятку лучших по всей стране. Универсал до мозга костей. В альма-матер о нём до сих пор слагали легенды.

Парни всегда относились к Чэн Вэю с искренним благоговением, поэтому, едва перед ними

появился кумир, Сюй Вэйжань тут же зацепился за возможность пообщаться:

— Старшекурсник Чэн, может, присядете к нам? Перекусите с нами!

— Забудь, — отмахнулся Чэн Е. — Он жуткий привереда, хот-пот отродясь не ест.

Чэн Вэй снисходительно улыбнулся и мягко ответил:

— Приятного аппетита, ужинайте без нас.

Сюй Вэйжань проводил его тоскливым взглядом:

— Уже уходите?..

Затем он почесал затылок и повернулся к друзьям:

— Ши Яньпин просто сдохнет от зависти, что всё пропустил! Слушайте, а где Сяо Юймао? Он же вроде в туалет ушёл и пропал?

Чэн Вэй едва заметно замер.

— Если подумать, Сяо Юймао сегодня уже раз пять отлучался.

— У него скоро соревнования, перенервничал, — пожал плечами Гу Линь. — К тому же спит последнее время паршиво.

В уборной стояла духота — то ли в торговом центре чересчур усердствовали с отоплением, то ли дело было в чём-то другом.

Глядя в зеркало, Ли Цинъюй видел, как его кожа на шее и лице наливается нежным розоватым румянцем. Дышать становилось всё тяжелее. Он нервно дёрнул воротник рубашки; пуговица отлетела и с тихим звоном упала в раковину.

Он потянулся за ней, но чужая рука оказалась быстрее.

Поднявший пуговицу парень был Альфой. И его лицо показалось Ли Цинъюй знакомым.

— Ты же Ли Цинъюй с факультета изобразительного искусства, верно? Привет. Я Е Сюнь с факультета информатики. Мы пересекались на линейке для первокурсников — ты мне тогда листовку дал, помнишь?

В тот день в студенческом совете, где состоял Чэн Е, катастрофически не хватало рук, и Ли Цинъюй вызвался помочь с раздачей буклетов. Но толпа была настолько огромной, что лица прохожих слились для него в одно сплошное пятно.

На лице Ли Цинъюй отразилось замешательство, однако незнакомец ничуть не смутился:

— Ничего страшного, старшекурсник! Главное — запомни меня теперь.

Возвращая пуговицу, Е Сюнь словно бы случайно провел кончиками пальцев по его тыльной стороне ладони.

Ли Цинъюй внутренне передёрнуло. От этого мимолётного прикосновения по коже мгновенно побежали крупные мурашки.

Он вскинул взгляд, но в доброжелательной улыбке собеседника не было и намёка на фальшь или умысел.

— Спасибо, — тихо пробормотал он и уже собрался уйти, когда за спиной раздалось:

— Старшекурсник, ты ведь Бета?

Ли Цинъюй кивнул.

И в то же мгновение Ли Цинъюй ощутил давление феромонов.

Е Сюнь всё так же безмятежно улыбался.

Он намеренно выпускал феромоны, провоцируя его.

После вторичной дифференциации из-за тяжелейшего синдрома дисбаланса феромонов тело Ли Цинъюй находилось в состоянии постоянной гиперчувствительности. В глубине души он до безумия жаждал чужого ласкового прикосновения, мечтая раствориться в успокаивающем тепле. Но горькая правда заключалась в том, что любые прикосновения и чужие феромоны — даже Чэн Е, в которого он был безответно влюблён столько лет, — вызывали у него лишь непреодолимый тошнотворный отврат.

К счастью, перед выходом к умывальникам он на всякий случай принял лишнюю дозу

ингибитора, и это позволило удержаться на ногах.

Впившись ногтями в ладони до боли, Ли Цинъюй выдавил из себя самую невозмутимую улыбку:

— А что такое?

Он держался чересчур хладнокровно — Омега при контакте с агрессивными феромонами Альфы никогда не смог бы вести себя подобным образом.

Е Сюнь несколько секунд пристально вглядывался в его лицо, после чего пожал плечами:

— Да так, ничего. Просто сложно поверить, что такой красивый человек, как ты, — обычный Бета.

Стоило Е Сюню скрыться за дверью, как Ли Цинъюй словно лишился всех сил. Он судорожно вцепился обеими руками в края фаянсовой раковины, пытаясь удержать подкашивающиеся ноги.

Зачерпнув пригоршню ледяной воды, он плеснул себе в лицо, пытаясь сбить нарастающий жар.

Чужие феромоны сделали своё дело: вся кожа от щёк до самого основания шеи горела как в огне.

Так продолжаться не могло. Нужно срочно придумать предлог и убраться в общежитие.

Собрав остатки воли в кулак, Ли Цинъюй направился к выходу, намереваясь предупредить Чэн Е и остальных.

Но, опустив голову и не глядя по сторонам, он со всего маху врезался в чью-то широкую грудь.

— Простите... — на автомате выдохнул он.

Человек перед ним не произнёс ни слова и даже не подумал отступить в сторону.

Внутри у Ли Цинъюя всё закипало от нетерпения и дикой усталости: хотелось лишь одного — сбежать, забиться в кровать и зарыться в одеяло.

С трудом сдерживая раздражение, он собрался попросить прохожего дать дорогу, но когда вскинул взгляд и разглядел стоящего перед ним... обомлел.

Душа его ушла в пятки.

— Ч-Чэн... Брат Чэн Вэй...

Ему и в кошмарном сне не могло присниться, что он встретит его именно здесь.

Чэн Вэй возвышался над ним почти на полголовы — под метр девяносто ростом. Дорогой тёмный костюм сидел на нём безупречно, каждая пуговица была застёгнута с педантичной строгостью, придавая его облику собранность и сдержанное благородство. Братья Чэн были похожи чертами лица, но если в Чэн Е чувствовалась юношеская пылкость и дерзость, то от Чэн Вэя веяло несокрушимым спокойствием и зрелой мужской элегантностью. Его породистые, с резкими линиями черты казались безупречными. Взгляд человека, привыкшего повелевать, без тени улыбки давил непререкаемым авторитетом, но стоит ему улыбнуться — и от суровости не оставалось и следа, уступая место обволакивающему теплу.

Даже слепой заметил бы, насколько усталым выглядит Чэн Вэй. Сейчас его тонкие губы сжались в узкую нить, а привычная мягкость в глазах сменилась ледяной выдержкой.

Сердце Ли Цинъюя зашло в бешеном ритме.

Воздух в уборной был буквально отравлен шлейфом чужих, острой волной разлившихся феромонов. Любому Альфе на его месте стало бы дурно.

Но брови Чэн Вэя сошлись к переносице вовсе не по этой причине. Кожа и одежда Ли Цинъюя пропитались альфа-феромонами куда сильнее, чем сам зал.

И объяснение этому напрашивалось лишь одно: кто-то намеренно метку за меткой наносил своё присутствие на тело юноши.

Заметив, как вжался в плечи Ли Цинъюй, Чэн Вэй опомнился. Встретившись с этим чистым, испуганным взглядом, он почувствовал, как закипающий гнев мгновенно улетучивается.

Ведь Сяо Юй — всего лишь Бета. Он ничего не чувствует.

Даже если кто-то сознательно метил его своим запахом, бедный мальчик даже не догадывался об этом.

Чэн Вэй прикрыл глаза, заглушая горькую гамму нахлынувших чувств.

А когда снова посмотрел на него, в его глазах опять затеплился ласковый свет:

— Какая встреча, Сяо Юй.

Встреча и впрямь была неожиданной. Вот только Ли Цинъюй отдал бы всё на свете, лишь бы разминуться с ним.

Чэн Вэй медленно, внимательно оглядел юношу.

Капли воды запутались в густых, тёмных ресницах. Влажный, глубокий взгляд больших миндалевидных глаз напоминал живописный пейзаж, омытый летним проливным дождём.

Шея и щёки Ли Цинъюя подёрнулись нежным румянцем — то ли от жары, то ли от скрытого волнения, отчего тот казался невероятно трогательным и сладким. Но на фоне этого фарфорового очарования тёмные тени под глазами проступали особенно отчётливо.

— Плохо спишь в последнее время? — мягко спросил Чэн Вэй. — Выглядишь совсем измотанным.

Сердце Ли Цинъюя ушло в пятки.

«Чёрт! Неужели он о чём-то догадался?»

Если признаться честно, Ли Цинъюй всегда испытывал перед Чэн Вэем подсознательный трепет.

Тот был не просто старшим братом Чэн Е — он казался идеалом, недостижимой величиной, сошедшей с обложек журналов. Не будь рядом Чэн Е, Ли Цинъюй вряд ли когда-либо осмелился бы даже заговорить с человеком такого уровня.

Страх сковал тело. Больше всего на свете Ли Цинъюй боялся выдать себя — боялся, что Чэн Вэй поймёт: перед ним тот самый Омега, который сбежал от него той ночью, едва опомнившись.

Натянув на лицо подобие невинной улыбки, он выдавил сдавленный смешок:

— Да так... Соревнования на носу, на нервах весь, вот и не спится. Ничего страшного, всё пройдёт, как только закончим.

Чэн Вэй молчал, продолжая пристально вглядываться в его лицо. Ли Цинъюй не мог понять, поверил тот или нет, поэтому, торопясь сбить тему, поспешно переспросил:

— Брат Чэн Вэй, ты тоже ужинать пришёл?

— Угу. Только что вышел из ресторана напротив.

Какая-то мимолётная догадка мелькнула в голове Ли Цинъюя, но тут же испарилась, не успев оформиться в мысль.

В глухих глубинах организма вновь закипал безумный, зудящий жар. Кожа чесалась, будто под неё запустили сотни мелких муравьёв, — с симптомами, до ужаса похожими на лихорадку спаривания. Наступал очередной приступ. Ли Цинъюй изо всех сил старался держать лицо:

— Чэн Е и остальные меня ждут. Я, пожалуй, пойду к ним.

— Дорогу, дорогу дай! — раздалось за спиной, и какой-то торопливый посетитель грубо толкнул Ли Цинъюя в плечо.

Ослабевшие ноги подкосились, и юноша потерял равновесие, кубарем полетев прямо в объятия Чэн Вэя.

Чэн Вэй с лёгкостью подхватил его, крепко прижав к себе. Поверх тонкой оправы очков метнулся ледяной, уничтожающий взгляд в сторону хама.

Тот моментально сдурлся, смерил Чэн Вэя испуганным взором, буркнул лепечущее «виноват!» и дал драпака.

Оказавшись в объятиях Чэн Вэя, Ли Цинъюй забыл, как дышать.

Мучительный зуд и сводящий с ума дрожащий голод, пылавшие под кожей, неожиданно и волшебным образом утихли. Ли Цинъюй, едва смея дышать, почти жадно впитывал тонкие остатки феромонов, впитавшиеся в ткань чужого пиджака.

Ладонь Чэн Вэя покоилась на его плече, а другая бережно держала за талию. От этого нежного соприкосновения суставы и поясница мгновенно обмякли. В месте, где пальцы Чэн Вэя касались его тела, даже сквозь ткань проступал обжигающий, нестерпимый жар.

Пьянящий аромат феромонов, точно сладкий клинок, вонзился в самую душу, проламывая долговечные барьеры, и заставил напряжённое до предела тело мгновенно расслабиться.

Такого невероятного облегчения и покоя он не испытывал уже очень давно.

Как же хотелось остаться в этих руках навечно...

Сначала запах ощущался едва уловимой ноткой, но с каждой секундой становился гуще и

тяжелее. Прежде мягкие, ненавязчивые феромоны теперь пылали властной, яростной собственнической силой. Они ломали его разум, подобно дикому, непреклонному зверю, который жаждал без остатка подчинить себе его тело и душу, выманивая Ли Цинъюя также выпустить феромоны в ответ.

На самом краю безумия, за мгновение до полного падения, он отчётливо уловил этот аромат — свежий, терпкий запах бамбука после дождя.

Постой... Бамбук после дождя?!

Словно молния ударила его среди ясного неба. Ли Цинъюя мгновенно обдало ледяным трезвеющим душем.

Он шарахнулся назад, убирая подрагивающие руки за спину, и, собрав в кулак остатки рассудка, запинаясь, выдохнул:

— Извини... Извини меня, брат Чэн Вэй...

В его сорванном голосе отчётливо слышалась дрожь.

Вот только Чэн Вэй этого не заметил. В ту секунду, когда Сяо Юй оказался в его объятиях, его собственный разум помутился.

Это было похоже на долгожданный причал для блуждающего судна, на птицу, наконец спасшуюся в родном гнезде.

Безграничное, чистое счастье захлестнуло его с головой. Накопленная за многие дни усталость растворилась без следа. В каком-то ревнивом, почти детском порыве он заполнил своими феромонами всё пространство вокруг Ли Цинъюя, полностью перекрывая чужую вонь.

И пусть разум подсказывал, что делать подобное с Бетой бессмысленно, торжествующая уверенность в том, что отныне юноша с ног до головы пахнет только им, отозывалась в сердце глубоким, истовым удовольствием.

Он не успел до конца осмыслить это странное чувство, как Ли Цинъюй торопливо поклонился, пробормотал: «Я пойду!» — и бросился прочь.

Чэн Вэй долго смотрел на свою правую ладонь, ещё хранившую тепло его тонкой талии, а затем медленно сжал пальцы.

«Неужели... в ту самую секунду от него действительно пахло сливками?»

Спустя мгновение Чэн Вэй издал тихий, самоироничный смешок.

Слишком долго желал невозможного.

Похоже, он и впрямь сошёл с ума.

<http://bllate.org/book/20116/1991894>